
ПОД СЕРПОМ
ЛУНЫ
18+
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ирена Мурр

Под серпом луны

«Автор»
2026

Мурр И.

Под серпом луны / И. Мурр — «Автор», 2026

Что остаётся от человека, когда у него отнимают дом, привычный мир и тех, кого он любит?Она рано узнала, что такое прощание. Война заставила её покинуть родной город, любовь научила ждать, а цирк — подниматься на высоту, где любая ошибка может стать последней.Она искала спасение в людях, теряла себя в чужих обещаниях и однажды встретила человека, который взялся собрать её по кусочкам. Он научил её не бояться падать. Но что делать, когда однажды исчезает и тот, кто научил тебя держаться? Это история о войне и детстве, о любви, которая не всегда спасает, о людях, оставляющих след глубже шрамов, и о силе, которую невозможно унаследовать или получить в подарок.На страницах этой книги переплетаются разрушенные улицы и цирковой манеж, вокзалы и чужие города, нежность и жестокость, жизнь и смерть. «Человек под серпом луны» — книга о том, как, потеряв почти всё, не потерять самого себя.

© Мурр И., 2026
© Автор, 2026

Ирена Мурр
Под серпом луны

Пролог

Иногда я просыпаюсь от обжигающих лучей в пять утра и на секунду забываю, где я. Мне кажется — я снова в той квартире без штор, и рядом дышит человек, которого больше не увижу. А потом я открываю глаза, и реальность возвращается.

Наше расставание стало столь же прекрасным, как и время, что мы были вместе. Это не горечь — это странная благодарность. За всё, что было. За то, как он смотрел на меня с перрона. За то, как уходил, не оборачиваясь. За то, что я обрела себя, а он… он был. Он не ушёл. Он просто перестал быть со мной — но остался в каждой строчке, в каждом воспоминании, в каждом шраме на моей душе.

Глава 1. Чашка

Глава 1. Чашка

Некоторые вещи остаются в памяти не потому, что были важными, а потому, что почему-то не захотели исчезать.

Я плохо помню первые годы. Иногда кажется, что память начинается не с событий, а с предметов. Не с людей и разговоров, а с вещей, которые долго находились рядом.

Одной из таких вещей была чашка деда.

На самом деле — не совсем чашка. Она больше походила на маленький кувшин с ручкой. Тяжёлая, тёмная, шероховатая. На ней был нарисован человек в соломенной шляпе. На гравюре он косит траву под серпом луны. Над ним — тёмно-синее небо, усыпанное звёздами.

Я могла сидеть на кухне и смотреть на рисунок очень долго.

Меня занимал один вопрос: почему он косит траву ночью?

Взрослые не замечали подобного. Видели рисунок и забывали. Но мне казалось странным, что человек работает, когда весь мир спит.

Иногда я представляла, что он не может остановиться. Что каждую ночь делает шаг, взмахивает косой, а утром замирает прежде чем кто-нибудь успеет заметить.

Наша кухня находилась в той части дома, где жили бабушка с дедушкой. Выйти на улицу — и через пару шагов попасть в дом родителей. Два дома на частной территории, соединённые в один. Своя земля, сад, небо над головой.

Летом в сад залетали пчёлы, зимой стекло покрывалось узорами, похожими на карты неизвестных стран.

Дед сидел напротив и пил чай.

Он клал в чашку сахар ложку за ложкой.

Шесть. Семь. Иногда восемь.

Я смотрела почти с ужасом.

— Дед, разве так можно?

Он усмехался:

— Конечно.

— Это же слишком сладко.

— Нет. Главный секрет — не размешивать.

Он говорил это каждый раз. И подмигивал так, будто открывал тайну мироздания.

Бабушка, услышав, обязательно вмешивалась:

— Не слушай его.

— Почему?

— Потому что он всю жизнь говорит глупости.

— Зато интересные, — отвечал дед.

— Турок ты, не поляк!

— Тьфу ты, ёханный смешной!

Я не знала, что значат эти слова. И кто такой ёханный. И почему бабушка называет деда турком.

Начинался их привычный спор.

Сейчас я не помню слов. Только ощущение. Их голоса смешивались со звоном посуды, запахом чая и вечерним светом. Тогда мне казалось, что так будет всегда.

Что дед всегда будет сидеть за столом. Что бабушка всегда будет ворчать. Что человек на чашке всегда будет косить свою ночную траву.

Странно, как легко ребёнок верит в постоянство.

Через много лет я вернулась мыслями в тот дом и поняла одну деталь: за всё время я ни разу не видела, чтобы дед пил из другой чашки.

Только из этой.

Будто она принадлежала не ему. Будто это он принадлежал ей.

Глава 2.

Война началась утром.

По крайней мере, для меня.

Меня разбудил не взрыв. Сначала показалось — сон. Кто-то передвинул шкаф или уронил что-то тяжёлое. Потом звук повторился.

Я открыла глаза.

За окном было темно.

Из комнаты родителей доносился голос телевизора — такой, какого я раньше никогда не слышала.

Обычно новости существовали отдельно от нашей жизни. Выборы, аварии, цены, далёкие страны.

Взрослые смотрели их за ужином. Я - почти не обращала внимания.

Но в то утро диктор говорил так, словно рассказывал о пожаре в собственном доме.

Я вышла.

Мама и папа сидели перед старым Philips. Огромным — не будь в нем кинескопа, - внутри можно было бы хранить книги. Когда-то он казался современным, но уже напоминал предмет из другой эпохи.

На экране мелькали кадры. Красные полосы. Карты. Техника. Лица. Я ещё не понимала, что происходит. Но сразу почувствовала: что-то закончилось.

Позже я часто вспоминала это чувство. Не страх. Не тревогу. Ощущение, будто книгу закрыли посреди главы. Дальше история будет совсем другой.

Следующие недели перестали быть временем. Они стали одним длинным днём.

Телевизор больше не выключался. Он жил в квартире как третье присутствие — не спит и не замолкает. Каждый день появлялись новые цифры, имена, города, которые раньше были просто точками на карте.

Взрослые начали говорить тише. Будто тишина могла защитить.

Но беда не остаётся снаружи. Она всегда находит дом.

Она поселилась между чашками, в паузах разговоров, в том, как мама иногда смотрела в одну точку чуть дольше, чем нужно.

Я заканчивала девятый класс. Шли экзамены. Жизнь ещё притворялась нормальной. Что всё идёт по сценарию: летом — каникулы, осенью — десятый класс, те же люди, те же улицы. В шестнадцать я буду думать, кем стать. В семнадцать — строить планы. А потом стану артисткой.

Тогда это не казалось мечтой. Маршрут, у которого нет конца, но он точно существует. Как железная дорога. Ты не видишь, куда она ведёт, но не сомневаешься.

Однажды днём зазвонил стационарный телефон, который стоял в коридоре на маленькой тумбочке — тоже предмет из другой эпохи.

Я была в школе.

Помню лицо мамы, когда она забежала в класс. Одноклассники переглянулись. Мы вышли. Сначала она шла молча. Потом лицо изменилось.

Звонила крёстная. Она в больнице.

И почти дословно:

— Бегите. Мы складываем тела друг на друга. В холодильниках больше нет места.

После этого всё понеслось слишком быстро. Будто кто-то нажал перемотку.

В тот же день мама забрала документы. В доме появились сумки, коробки.

Люди ходили быстрее.

А я смотрела и не могла понять, что взять с собой, когда уходишь не из дома, а из собственной жизни: Одежду? Фотографии? Книги?

Вечером родители поссорились.

Я не помню причины — возможно, её не было. Иногда эти причины просто становятся поводом для того, что уже давно происходит. Помню только мамин голос — усталый и злой:

— Давай ещё поссоримся на прощание!

Стало так тихо, что я услышала часы. И это был не звук времени. Это был звук того, как оно уходит.

Тогда я впервые подумала: взрослые боятся не меньше детей. Просто умеют делать вид.

Решение уже было принято. Папа останется. Мы уедем.

Когда это стало ясно — не знаю. Иногда такие вещи не решаются. Они просто начинают существовать.

На вокзале было слишком много людей. Чемоданы. Взволнованные голоса. Запах машинного масла и металла.

Поезд стоял, как что-то живое.

А потом поехал. В голове был полный хаос. Мерный стук колес похоже остался чем-то единственным, что казалось стабильным.

Я сидела у окна. Папа шёл вдоль платформы рядом с вагоном. Сначала спокойно. Потом быстрее. Потом почти бежал. Он махал рукой и плакал. Я никогда раньше не видела, чтобы он плакал.

Поезд набирал скорость. Платформа кончалась. Папа уменьшался. Исчез. А я всё смотрела.

Через четыре дня железную дорогу разбомбили. Город оказался отрезан на месяцы.

Я сидела у окна и все слушала стук колёс. Вспомнила чашку деда. Человека под луной, который косил траву ночью.

И подумала странную вещь: некоторые люди продолжают своё дело даже когда мир вокруг перестаёт быть местом, где можно жить.

Мысль была настолько ясной, что казалась не воспоминанием, а чем-то, что приходит заранее.

Глава 3.

В столицу мы приехали в день моего рождения. Слишком символично, чтобы быть правдой. Одна жизнь закончилась в тот день, когда должна была начаться другая.

Поезд пришёл рано утром.

Я плохо спала и помню город сквозь дымку. Огромный вокзал, запах железа, поток людей, чужие голоса.

Люди здесь были другими. Холодными.

Там, дома, всё иначе. Дома я часто не понимала, откуда меня знают незнакомые.

Идёшь по улице — кто-то здоровается. А я и не помню, кто это. Мама потом объясняла: «Это тётя такая-то, она тебя ещё в роддоме видела». Или: «Это сосед, он живёт через два дома». Дома все друг друга знали. Здесь никто ни на кого не смотрел. Каждый сам за себя.

Я вдруг захотела обратно — в тот город, который мы покинули. И который, возможно, уже переставал существовать.

А потом я увидела его. Папу Коху. Не родной отец, но отец моего брата. Некоторые люди становятся родными не по крови. По количеству света, которое оставляют в твоей жизни.

Он стоял на платформе и улыбался. Высокий, сутулый, с улыбкой старых артистов — в ней одновременно грусть и бесконечное чувство юмора.

Мы погрузили вещи. Папа Коха рассказывал истории, шутил, спрашивал про дорогу. Я почти не слушала. Смотрела в окно на огромный незнакомый город. Он казался бесконечным. Словно кто-то сложил все города мира в одном месте.

Мы ехали долго. Потом машина остановилась у училища. Папа Коха вышел, открыл багажник, достал вещи. Исчез на пару минут — вернулся с одной белой розой.

Всего одной.

— С днём рождения, малыш.

Я едва не расплакалась. Не из-за цветка. Из-за того, что кто-то вспомнил.

В тот момент моя жизнь разваливалась. Я потеряла дом, друзей, привычный мир. Даже будущее казалось размытым. А эта роза стала доказательством: не всё исчезло. Есть вещи, которые война не может забрать.

Моим первым настоящим человеком был брат. Старше на восемнадцать лет. Существовал так, будто уже прошёл жизнь вперёд и вернулся, чтобы объяснить её мне.

Именно он вывел нас с мамой из города. Когда началась война, просто позвонил: «Собирайтесь». Без объяснений. Будто это самая естественная вещь — спасать тех, кого любишь.

Он часто включал фильмы, которые я не могла досмотреть. «Солярис» — запомнила ощущение, а не сюжет. Тяжесть, медленное движение мыслей, как вода в аквариуме.

Он не объяснял — он показывал.

Однажды утром взял яблоко и разрезал пополам. Внутри — гнилое.

— Смотри! Снаружи может быть красиво. А внутри — совсем другое.

Он говорил долго. Я смотрела в окно — а там уже вечер. Повернулась к нему в изумлении: я даже не вставала с кровати с утра. Прослушала его весь день и не заметила, как утро закончилось.

Он был маяком задолго до того, как я поняла, что мне нужен курс.

Если бы меня спросили, какими должны быть отношения между братом и сестрой, я бы рассказала про нас. За всю жизнь ни разу по-настоящему не поссорились.

Наверное, поэтому я была благодарна папе Кохе уже за сам факт существования брата.

Мы ещё не знали, что впереди четыре года училища, одиночества, поисков себя. Четыре года, которые потом сольются в один длинный коридор.

Но в тот день, с белой розой в руках, мне показалось: может быть, всё будет не так страшно.

Глава 4. Мама

Глава 4. Мама

В обычной жизни она могла уставать, раздражаться из-за пустяков, переживать о том, на что другие не обращали внимания.

Но стоило случиться чему-то по-настоящему страшному — внутри неё будто включался невидимый механизм. Она становилась спокойной, собранной, предельно точной. Словно всю жизнь только и готовилась к этому моменту.

Мы с братом часто шутим: «А самая сильная была Мать».

В детстве он включал мне на ночь сказки. Импровизированные, записанные с радио. Они назывались «Ежи и Петруччо». И там был один эпизод — про мать.

«А самая сильная была Мать…

Она всё делала.

Носила воду,

стирала бельё,

шила штаны,

ходила по полю,

пасла овец,

строила дом,

рубила дрова,

колотила Петруччо,

отца Петруччо…

Ежи…

самого Ежи и самого Петруччо…

и даже овец».

Особенно смешно было представить, как она в отчаянии лупит овец. Мы хохотали до слёз. Но именно такой мы и видели нашу маму — она действительно делала всё.

Однажды она взяла и перебросила огромный пенёк через забор. Просто убиралась во дворе. Зачем ей сдался этот пенёк? Не знаю.

Но она именно такая.

В делах она не знает усталости и не ищет лёгких путей. Возня с огородом, покраска забора, починка — для неё это никогда не было обязанностью, а пространством, где она дышит полной грудью. Труд не изматывал её, а странно успокаивал — будто терапия.

Когда мы уезжали из дома, именно мама собирала документы, покупала билеты, звонила, решала вопросы.

А я просто ехала рядом.

Мне было пятнадцать. Возраст, в котором ещё веришь, что взрослые знают ответы.

Сейчас я понимаю: они боятся точно так же. Просто умеют это скрывать.

Глава 5.

В цирк я попала раньше чем в училище, ещё ребёнком, когда мой мир помещался между книжной полкой и старым диваном.

У родителей хранилась кассета с папиным номером. Я пересматривала её бесконечно.

На экране — цирковой манеж. Темнота. Белые прожекторы. Они двигались за фигуркой папы.

Он висел под куполом. Двадцать метров. Одной рукой держался за трапецию. Вторая — в комплименте. На лице улыбка.

Внизу пассировщики держали мат. Четыре ручки — по человеку на каждую. Смотрели вверх.

Музыка стихла. Тишина. Голос конферансье:

— The world's only performer of a deadly stunt. A Golden Artist.

Пауза. Барабанная дробь.

Папа сосредоточен. Раскачивается. Отпускает руки.

В зале — визг. В полёте он успевает сделать бланж. Приземляется на ноги прямо на мат.

Пассировщики гасят инерцию.

Я сидела перед телевизором и думала: это мой папа.

Я не спрашивала. Но во время просмотра он сам начинал объяснять:

— Мозг даёт команду, мышцы слушаются.

Он часто показывал, как летают его голуби. У нас во дворе было три голубятни. Голуби были необычные. Так называемые Николаевские голуби. Они умели повисать так высоко в небе, что скрывались за облаками. А в безоблачную погоду голуби в небе превращались в едва различимые точки, и казалось будто кто-то просто прикрепил к небесному куполу несколько булавок. Птицы могут провисеть так час, два, а то и больше. И все это время, хозяин обычно стоит во дворе задрав голову, и ждет: покажется или нет.

— Я сбрасывал вес в полёте, как голуби. Крылья распущены.

Он объяснял: наблюдая за ними, я понял, как использовать руки как крылья.

Для него всё звучало просто. Словно речь не о смертельном трюке, а о том, как заваривать чай.

И обязательно добавлял:

— Ничего страшного.

На записи видно: после приземления он вскакивал и танцевал. Будто ничего не произошло. Этот трюк так никто и не повторил.

Он доставал с полки старую цирковую энциклопедию. Тяжёлую, с плотными страницами и особым запахом. Я рассматривала фотографии — яркие костюмы, арены, лошадей, слонов, акробатов.

Каждый разворот — окно в другой мир. Мир, куда мне очень хотелось попасть.

Больше всего — страница сто двадцать третья. Там было написано: под руководством Довейко-младшего он являлся единственным исполнителем этого трюка.

Я уже тогда понимала значение этих слов.

Мой папа умел делать то, чего не умел больше никто.

Невозможное больше не существовало. Границы невозможного мне стёрли родители. Нужно только найти решение.

Только одного я не могла представить: сколько лет работы скрывается за словом «единственный». Сколько падений, боли, попыток, о которых не напишут.

Для меня это звучало просто красиво. Единственный.

Иногда папа рассказывал про гастроли. Гонконг, Австралия, Сингапур.

Я заслушивалась этим как сказками. Смеялась.

В Австралии он плавал в океане и однажды подплыл слишком близко к сетке. Вдруг почувствовал что-то огромное. Акулу.

— Ваааай! — кричал он, рассказывая.

За секунду оказался на берегу. Я представляла, как он вылетает из воды, и смеялась до слёз.

В Гонконге, говорил он, в гостиницах были жучки и скрытые камеры. Он об этом знал. Обмазывал себя пеной для бритья, кривлялся.

— А что? Пусть смотрят.

Я слушала и представляла аэропорты, океаны, незнакомые улицы, цирковые шатры на другом конце света.

Представляла, что артисты живут иначе. Их жизнь — дороги, чемоданы, города и люди, которые живут в разных странах, но остаются семьёй.

У цирковых есть поговорка: «Манеж круглый — свидимся». Так говорили после контрактов.

Мне нравилась эта фраза. Будто прощаний вообще не существует. Будто любая дорога однажды приводит обратно.

Наверное, тогда я влюбилась не только в цирк. Я влюбилась в идею свободы.

Однажды после такого разговора я залезла на кухонный стол. Мне было три или четыре. Я стояла на краю. Высота меньше метра, но я представляла, что подо мной манеж. А внизу — маленькие человечки с матом.

Я раскинула руки:

— Але-ап! — и прыгнула.

Устояла. На секунду стало тихо. Потом родители рассмеялись и захлопали.

— Артистка, — сказала мама.

— Конечно, — ответил папа. — Моя генетика!

Они смеялись. Я тоже. Мне нравилось, когда я могла рассмешить родителей.

Старые артисты потом говорили: «Родители за ребёнка уже отрепетировали».

Всё и началось тогда, с прыжка. С того, как я стояла на старом кухонном столе. В тот день я впервые поверила, что тоже умею летать.

Глава 6.

Если первые годы в училище я помню как длинный серый коридор без дверей, то театр стал первой дверью, которая вдруг возникла в этом коридоре, распахнулась, оттуда полился яркий свет, сквозь этот свет запели ангелы, и я поняла, что мне нужно именно туда!

***

Однокурсница постоянно куда-то исчезала после занятий. Собиралась, торопилась. В один из дней я увязалась следом. Она просила не идти за ней. Но я почему-то почувствовала, что мне непременно надо увязаться. Будто там, куда она спешит, я найду какой-то ответ на еще даже не заданный вопрос. Это был импульс.

Мы спустились в метро, доехали до станции Серпуховская, и вышли на тихой улице, пройдя сквозь эти обычные стеклянные двери метро, сквозь которые каждый день проходят сто тысяч миллионов человек. Словом - те самые двери, которые открываются только если навалиться на них всем весом. Обычные Московские двери. Но для меня это были волшебные двери в другой мир.

Перед нами возникло старое здание театрального института. Нас встретил высокий рыжий парень — нос картошкой, светлые ресницы, открытая улыбка. Добрее лица я в жизни не видела. Он напоминал добрых молодцев из сказок, которые всегда помогают найти дорогу и никогда не требуют ничего взамен. Он поздоровался, и мой приход воспринял естественно.

Он повёл нас по длинному коридору. В конце — небольшая аудитория.

На старом продавленном стуле сидел молодой режиссёр. В руках — стопка бумаг. Он выразительно поднял взгляд на мою однокурсницу.

- “Опаздываете, юная леди”.

Не дожидаясь ответа он встал со стула, неожиданно перевел взгляд на меня и сказал:

“Представь человека, которого ты больше всего хотела бы увидеть. Кто бы это был”?

Без прелюдий. Будто мы не первый день репетируем. Я вдруг почувствовала себя так, будто моя жизнь внезапно соскочила с одного трека на другой, как игла грам-пластинки, как во сне, - один сюжет вдруг резко оказывается совсем другой историей. И в этой новой истории оказалось, что я актриса этого театра, и сегодня мы уже не первый час репетируем сцену, а прямо сейчас режиссер остановил игру на середине прогона, чтобы точнее обьяснить мне мою роль!

Я назвала первое, что пришло в голову:

— Джеймс Тьерри. Внук Чарли Чаплина.

— Серьёзно?

Я кивнула:

— Мне нравится его спектакль «Симфония майского жука».

Он показал на старую лавку:

— Представь, что через несколько минут сюда войдёт Джеймс Тьерри.

Я посмотрела на дверь.

Это было всё задание.

Я включилась сразу. Села на лавку. Медленно. Спокойно. Собралась с мыслями. Сложила руки на коленях, потом убрала, снова положила. Кокетливо поправила волосы — и резко убрала кокетство.

Мне стало важно всё: как я выгляжу, как он меня представит, когда увидит. Я представила — и стала проживать. Как нервничаю? Как сижу? Что скажу? Ничего… но так нельзя!

Я встала.

Поток мыслей был виден в движениях. Прошлась по комнате, представляя, что лавка в парке, а дверь — ворота. Вернулась. Уже не видела ни режиссёра, ни рыжего, ни однокурсницу. Остались только ворота и нервное ожидание.

В какой-то момент пришла мысль: встать на руки!

Я вскочила на край лавки, встала на руки — и с грохотом свалилась на пол.

Ба-бах!

Лежу на спине, не двигаюсь.

Рыжий вскочил первым. Режиссёр тоже приподнялся со стула.

— Ты там живая?!

Вместо ответа я резко повернула голову к двери.

В комнате стало тихо.

Рыжий начал смеяться:

— Вот это актриса! Даже после падения из роли не вышла.

Странно устроена память. Кажется, жизнь меняют большие события, а тут — лавочка в старой аудитории. Мне было пятнадцать.

После этого я участвовала почти во всех их работах. В лабораториях, экзаменах, спектаклях.

Мы репетировали ночами. Пили дешёвый чай из пластиковых стаканчиков. Придумывали миры, которых не существовало.

Тогда театр перестал быть местом. Он стал домом.

Глава 7.

По дороге в училище я листала новости. Новости были тяжелые. Я от них уставала, но ещё страшнее было не знать. Будто, если читать достаточно внимательно, можно заранее понять, что будет дальше. Будто знание даёт хоть какую-то власть.

Новости ничего не объясняли. Только факты и медленное угасание надежды вернуться к прежней жизни.

Обстрелы. Разрушенные дома. Безумные люди, уничтожающие мой дом, моё детство.

Серьёзные люди в костюмах, обещающие, что всё под контролем. Следом — новые фото разбитых окон.

Я ходила на занятия и чувствовала пропасть между своими чувствами и жизнью людей столицы. Их мир был цел. Моя тревога как полиуретановый шар. Как в том самом аттракционе на берегу моря, в который зазывают пляжных отдыхающих, потом помещают их в пластиковые нудувные шары и пускают по волнам. Я внутри такого шара. И внутри него медленно заканчивается кислород. Идёшь — он катится. Ты падаешь на четвереньки, пытаешься подняться, снова идти. А молнии в нем нет, чтобы расстегнуть ее и выйти, вырваться, жадно хватая воздух.

***

— Улыбайся!

Как часто мне это повторяли!

В цирке должна быть улыбка. Что бы ни случилось, ты артист!

Им невозможно было объяснить. Они учили и вдохновляли, как умели.

Я улыбалась.
Глава 8.
Глава 8. Принц

Мы не знакомились. Просто однажды я проснулась, а у меня сообщение от незнакомца: «Привет».

Игнорировала несколько дней. Он спросил: почему не отвечаю? Сказал, что это я написала первая.

Но я не писала.

Я посмотрела на соседку:

— Это ты?

Она пожала плечами:

— В тот вечер, когда мы смешали Jack Daniels с Dr. Pepper, рассматривая его анкету, ты сказала, что он ничего такой. Ты была не в состоянии писать — я написала за тебя. Я сделала что-то не так?

Я выдохнула:

— Ладно. Вроде действительно ничего.

Тогда я пожала плечами. А спустя месяцы, когда этот человек уже жил в моих ночных разговорах, сообщениях, утре и вечере, — я стала благодарна ей за то случайное сообщение.

***

У каждого ребёнка — своё ощущение времени. Потом времена меняются. Он появился в этом отрезке и остался. Именно этот отрезок прописал его в сценарии моей жизни.

Его звонки стали обрядом перед сном. Голос был грубый, взрослее внешности лет на двадцать. Мне нравилось. С ним я почти перестала смотреть новости.

***

За окном стемнело. В общежитии почти все спали. Где-то хлопнула дверь, потом тихо. Я сидела на подоконнике с телефоном, смотрела на своё отражение.

— Сегодня вечером смотрим серию? — спросил он. — Но только одну. Я хочу лечь пораньше.

— Ты всё равно уснёшь на половине.

Я скривила лицо, пародируя его спящим.

— Тогда спи сегодня, завтра посмотрим.

Я уже видела этот сериал. Но мне нравилось пересматривать с ним — наблюдать за его мимикой.

***

— Лови, — сказал он, и скинул клип.

Я открыла. Нажала плей. Кто-то до меня выкрутил колонки на максимум. Провод от наушников болтался отсоединённым.

Из колонки заорало «МамбаРу, Рамамбахару, задаю ей жару»

Из-за стенки — раздражённый стук и крик: «Три часа ночи вообще-то!»

— Извините! — крикнула я.

— Разве ты не говорил, что ложишься в десять?

— Говорил.

— Тогда почему почти четыре утра?

— Похоже, появляются плохие привычки.

— И кто виноват?

— Даже не знаю.

***

Я возвращалась после вечерней репетиции. На город обрушился сильный ливень. Зонт вывернуло, куртка промокла. Забежала в подъезд, отряхнулась и увидела сообщение от него: «Ты вся мокрая?»

Я застыла, покраснела:

— Чего?

— Я прогноз посмотрел.

Я стукнула себя по голове.

Я закрывала глаза и представляла, как его голос звучит не в динамике, а рядом — с хрипотцой, будто только проснулся или долго курил. Иногда я проводила пальцем по экрану, будто сквозь холодное стекло черного экрана я могла коснуться его.

***

Однажды он сказал:

— Знаешь, у меня отец пьёт. Мама работает на двух работах. Я с четырнадцати — сам. — Он помолчал. — Поэтому я не могу просто сорваться и приехать. Я должен быть уверен, что моя жизнь не рассыплется, пока меня нет.

Я молчала. Впервые он говорил не о нас. О себе.

— Я не хочу быть как он, — тихо добавил он. — Поэтому так боюсь ошибиться. Понимаешь?

Я не знала, что ответить. Но что-то во мне перевернулось. Он перестал быть просто красивым голосом. Он стал человеком, который несёт груз.

— Я хочу приехать.

— Когда приедешь — сразу обними. Подожди. Нет, не приезжай.

— Так приезжать или нет?

— Приезжай! Не знаю. Я привыкла к тебе на экране. Не могу представить в реальности. Боюсь, что хрустальный замок рассыплется.

Он ничего не ответил. Просто скинул аудио. Из динамика зазвучала песня Miyagi.

Следом сообщение: «Я по уши в тебя влюблён».

Я стала ловить себя на том, что проверяю телефон каждые пять минут. Жду его сообщений так, как раньше ждала окончания уроков. Его голос стал чем-то от чего дрожишь, даже когда вокруг тишина.

***

По дороге в колледж я листала новости в закрытом канале нашего города. Снова. Те же кадры. Те же лица. И вдруг я узнала улицу.

Я догадывалась, что мама не расскажет.

Мама всегда скрывала страшное. Она разговаривала с папой по вечерам, а мне потом говорила: «Всё хорошо». Так было устроено. Мама считала, что мне не стоит знать подробностей. Лучше чтобы я просто жила
свою студенческую жизнь и сосредоточилась на учёбе.

Но я уже видела новости. И я догадывалась: сейчас она снова скажет: «Всё хорошо».

Поэтому я позвонила папе.

Папа ответил сразу.

— Папа любит.

Это было у нас вместо «алло».

— Я видела новости.

—Доченька. Та всё нормально!

Пауза.

— Ну, прилетел снаряд. Ничего страшного.

Он сказал это и, наверное, сразу понял, что проговорился. В трубке стало тихо, я услышала как папа щелкнул зажигалкой.

Я стала расспрашивать. По крупицам.

— Что прилетело?

— Да бог его знает. Я слышал, как летело.У меня как раз в это время была пациентка. Она мне: «Может, спрячемся?» А я ей: «Не извольте беспокоиться. Пока руки мои заняты

делом, судьба обходит нас стороной. Говорю ей, «пока кузнец куёт меч, стрела летит мимо». Ну и продолжили. Так что, мы уже привыкли. Не переживай, ничего страшного.

Раньше, у старых артистов была такая школа: обучали не только трюкам, изучали анатомию, психологию, биомеханику. Поэтому, когда он вышел на пенсию, он стал чем-то вроде местного народного целителя.

— Пап. Так а что прилетело то?

— Не знаю я названия. Слышал, как летит. И всё.

— И куда?

— На нашу улицу не прилетало.

— А куда прилетало?

Он помолчал.

— В садик прилетало, который на соседней улице. Но там все живы. Слава богу.

— В садик?

— Ну да. Соседка наша потом приходила, рассказывала. Я говорит, у общежития стояла. Как шарахнуло — я аж присела. Вот.

— Пап.

— В девятиэтажку прилетало. Тоже все живы.

Я молчала. Я слышала, как он дышит. Я слышала, как он хочет сказать что-то ещё, но не говорит.

— Пап. Что ещё?

— А что ещё? — Он будто удивился. — Нашу улицу Господь Бог уберёг. Вокруг только прилетало. Мы тут прикрыты домами. Пятиэтажками. Девятиэтажками.

Я знала эту интонацию. Так говорят люди, которые хотят защитить.

— Пап.

— Что тебе рассказать? — сказал он вдруг. — Вот над нами снаряды летают, мы с Роем в огороде были. Рой это наш любимый пёс. Над нами летело. Мы с ним так друг на друга ещё посмотрели. Он усмехнулся в трубку. Мы уже адаптировались. Человек такое существо. Главное — без паники.

— Рой раньше в ванную забегал прятаться а теперь уже даже не дергается, привык. Над домом летает — мы им не нужны. Они летят по другим целям.

Я слушала. Я слышала всё. И я слышала то, чего он не говорил.

Он продолжал.

— Вот по началу, когда вы только уехали с мамой, вот это было страшно. Бабушка лежала на летней кровати во дворе. Раз, считала она, два... Снаряды считала.

Пауза.

— Погибают люди.

Пауза.

— У друга ноги оторвало. Ампутировали. Во двор прилетело. Не выдержал операции..

Он сказал это и замолчал. Будто понял, что сказал лишнего.

— Пап.

— Всё нормально. Мы живы. Все живы. Бабушка с дедушкой живы. Мы сейчас шашлыки будем жарить. Не переживай!

Я выдохнула.

— Пап. Я люблю тебя.

— И я тебя. Не бери дурное в голову, тяжёлое в руки.

Мы попрощались.

Я выдохнула, но ком в горле не исчез.

Снаряды, которые прилетали в наш город, были устроены так, чтобы убивать людей. Не разрушать дома. Убивать людей.

Это не метафора. Это так и было.

Снаряд на подлете разрывался в воздухе, из него вылетали металические осколки, которые летели вниз, разбивая окна, оставляя сколы на кирпичах, прошивая черепицу, машины, заборы.

Дома оставались почти целыми. Люди — нет. Город стоял, как стоял. Обман рассеивался вблизи: Выбитые окна были затянуты мутным полиэтиленом, что хлопал на ветру, или - заколочены досками торопливо, крест на крест, будто дому наспех наложили повязки. И время от времени за одним из этих окон происходила трагедия. Дома оставались почти целыми. Люди — нет. Город стоял, как стоял. Или лежал. Как человек на операционном столе, под общим наркозом. Ему отрезали руку по локоть, поставили вместо нее протез. Отрезали ногу по колено, и тоже поставили вместо нее протез. А когда человек проснулся, ему сказали: видишь, все нормально: нога есть, и рука есть. Все хорошо, ничего не было. Ничего не было. Ничего не разрушено. Значит, ничего и не было.

Об этом не писали. Не показывали. Не говорили в новостях. Наш город как будто не существовал. Если кто-то оттуда звонил и рассказывал — ему не верили. Говорили: вы сами все придумали. Сами себя обстреляли. Вам нужна жалость. Вы хотите внимания.

Так говорили. Так говорят.

Двенадцать лет.

Мы не спорили. Мы просто жили. Пили кофе. Ходили на работу. Играли свадьбы. Жарили шашлыки. И молчали.

Потому что если рассказывать — не поверят. А если не рассказывать — никто не узнает. И в этом вся штука.

***

Сейчас я знаю, что он тогда скрыл.

Сейчас, спустя двенадцать лет этого нескончаемого кошмара мама говорит мне:

— Мы от тебя скрывали многое. Точнее, папа скрывал. Папа ничего не рассказывал, чтобы уберечь твою нервную систему. Хотя по городу от прилётов снарядов ужас что творилось.

Она говорит это сейчас. Двенадцать лет спустя.

— По новостям нашим показали. Ребёнку оторвало голову. Внучка вышла погулять на улице. Был приход. Бабушка выбежала — а там голова уже отдельно от ребёнка. Как же она кричала!

— А маршрутка. В неё снаряд прилетел. Двадцать пять человек заживо сгорели.

И вот такое время от времени происходит.

Они говорят мне это сейчас. Двенадцать лет спустя. Я слушаю маму и всё ещё смотрю на экран телефона. На экране — «Папуля». Он всё ещё там.

Двенадцать лет. А он всё ещё там. И мы всё ещё разговариваем по телефону. И война всё ещё продолжается. Но теперь мама рядом с ним.

В перерыве между двумя большими дневными шоу мы часто созваниваемся. У меня в это время день, у них - раннее утро. Теперь мы всегда созваниваемся вот так, в разное время суток, разделенные часовыми поясами. Это до сих пор ощущается удивительно, будто звонишь домой с другой планеты, или из параллельного мира. Цирковая судьба занесла меня в поднебесную. Правда, - занесла не совсем подходящее слово. Никакого волшебного трамплина не было. Скорее это была старая цирковая веревочная лестница в небо по которой я вскарабкалась, оказавшись под куполом, как и папа в свое время!

Трубку взяла мама.

— Доча!

Это было вместо «алло». Теперь у них было так.

Потом в трубке что-то звякнуло. Потом папа сказал:

— Папа любит.

Они говорили вдвоём. Перебивали друг друга. Мама — про огород. Папа — про рыбалку. Мама — про то, что орех вырос. Папа — про то, что Рой постарел, болеет, но всё ещё бегает. Ездили к ветеринару, лечили.

Я слушала и улыбалась. Я слышала, что они счастливы.

Мама вернулась домой.

Это случилось после того, как я выпустилась из училища. Мама сказала: «Ты уже крепко стоишь на а ногах, профессия есть. Теперь я могу вернуться домой». И уехала.

Она рассказывала, как ехала. Автобус не шёл дальше границы. Она вышла. Стояла на дороге, в каком-то поле. Искала попутные машины. Увидела женщину, которая тормозила машину. Женщина очевидно была знакома с водителем. Мама подошла и попросила, чтобы её довезли до города.

Так она добралась.

Мужчина, который их вёз, сказал:

— Если бы ко мне так девушка ехала, несмотря ни на что, я был бы самым счастливым.

Он сказал это и засмеялся. И повёз её дальше.

Так оно и было.

Теперь они вместе. Мама занимается консервацией. Папа готовит кофе. Они делают ремонт в доме. Рой спит у порога.

Мама говорит:

— Я самая счастливая женщина на свете.

Папа говорит:

— Таааааа! Мы счастливы! Я вот на рыбалку собираюсь.

Мама рассказывает:

— А я в огороде посадила помидоры, огурцы, петрушку. Собрали урожай. Орех вырос. Подвал забили консервацией. Запасы на зиму.

Я спрашиваю:

— А это не опасно? Рыбалка?

Они отвечают хором:

— Нет, не переживай.

Пауза.

— Там охраняемая зона.

Пауза.

— Мы не будем подробно рассказывать, где это. Вдруг нас прослушивают.

Пауза.

— Но в любом случае не переживай. Всё под контролем. Мы уже знаем, как действовать.

***

— Жизнь-то идёт, доченька.

Папа начал. Мама тут же подхватила:

— Идёт, идёт. Ты не думай, что тут у нас всё серое.

— “Тут по-всякому бывает”, — продолжил папа, — “Утром выйдешь — солнце, тополя. Тишина такая, что только и слышно, как ложка о край чашки звякает”.

— “У нас тут знаешь как хорошо бывает”, — перебила мама, — “Утром кофе пьём, птицы поют. Я петрушку вчера посадила”.

— “И вот в этой тишине иной раз такое чувство накатит”, — сказал папа, — “А может, всё?”

Он замолчал. В трубке зашуршала пачка сигарет.

— А потом откуда-то, не понимаешь откуда — как громыхнёт. Вдалеке. Стоишь и думаешь: нет. Не всё. Ещё не всё.

— “Ну а что делать?” — сказала мама.

— “Но самое-то знаешь что?” — сказал папа, — “Самое то, это что ты не знаешь: где, когда, с кем. И никто не знает. Вот утром человек встал, чай попил, вышел за хлебом. А может, он уже не вернётся. А может, - вернётся. Никто не знает. Тут не угадаешь. Как у Булгакова — «Да, человек смертен. Плохо ещё то, что он иногда внезапно смертен!»

— “Во-во”, — сказала мама. — “Внезапно. Поэтому и живём. Пока живём — живём”.

— “Вот я иногда думаю: а что делать-то?” — сказал папа, — “Я наш дом не оставлю. Тут всё, что мне нужно. Мне здесь хорошо”.

— “И я не уеду”, — вставила мама. — “Куда я поеду? Тут мой дом. И от папы твоего я больше не уеду! И от Роя. Тут всё”.

— “Родителей стареньких, я бы не бросил”, — сказал папа, — “Прятаться? Ну”.

Он снова замолчал. Только слышно было, как снова зашелестела пачка от сигарет.

— “Мы на нашей улице договорились”, — сказал папа. — “В случае чего, откапываем друг друга из подвалов”.

— “Ага”, — подтвердила мама, — “У нас все так договорились Все друг друга знают. Все помогут”.

— “Одно остаётся — жить”, — сказал папа, — “И делать то, что умеешь лучше всего”.

— “А он своё дело знает”, — вставила мама. — “К нему люди идут. Ты не думай. Очередь”.

— “У нас тут стресса — сама понимаешь, сколько”, — продолжил папа, — “А я его руками снимаю. Через точки в теле. Кому-то легче — и мне легче”.

— “Он знаешь какой молодец. Золотые руки! И меня лечит”, — сказала мама.

— По сарафанному радио теперь много пациентов. Так что, не голодаем, денежка есть.

— “И у меня консервация”, — сказала мама, — “Подвал полный. Помидоры, огурцы, петрушка. Орех вырос — я собрала. Всё у нас есть”.

— “Так что, просто живём дальше”, — сказал папа. — “Всё остальное — не по нашей части”.

— “Не переживай, доченька”, — сказала мама.

— “Я не гордый”, — добавил папа. — “Я если что на землю быстро прилягу”.

— Ага, — сказала мама. — Акробат!

— Ничего особенного.

Он сказал это таким тоном, будто сообщал прогноз погоды. Мол, если дождь — я зонт возьму. Если снаряд — на землю прилягу. Ничего особенного.

И в этом «ничего особенного» я услышала, как он улыбается. И как мама улыбается рядом.

***

Потом папа сказал:

— Всё, у меня пациент пришёл.

Он передал трубку маме.

Мама продолжила.

— Я перестала смотреть телевизор, — сказала она.

Я поняла, что сойду с ума, если буду это смотреть. Поняла, что нужно себя поберечь. Особенно в этом возрасте.

Мы не смотрим телевизор. Потому что это очень тяжело. Невозможно смотреть, чтобы не воспринимать на свою нервную систему.

Но я тебе вот что скажу, здесь стоял такой вой, это был крик матерей. Из памяти не вычеркнуть такое. Одна кричала: «За что убили моего ребёнка!? За что!? Он зла никому никогда не сделал!»

На снарядах было написано «Детям Донбасса».

Здесь стоял крик до небес.

А в Луганске была Мадонна.

Женщина шла по улице с ребёнком на руках. Прилёт. Она упала. Так и осталась лежать — с ребёнком в обнимку. Не разжала рук. Не отпустила.

Так и лежала. Как на иконе. Сикстинская мадонна с младенцем.

Я молюсь каждый день. Обо всём молюсь.

Теперь, мы стали воспринимать войну как параллельный мир. Человек — существо, которое может адаптироваться даже к самым страшным вещам. Психика адаптируется. Надо выжить.

Только новости читаем. Всё равно нужно знать, что происходит. Мы ведь тут живём.

Вот, «Галактику» - Торговый центр, уничтожили.

Я человек верующий. Никогда не пожелаю и врагу зла. Пусть Господь Бог решает.

У нас бывают дни, когда тихо. И даже подумаешь — к миру идёт? И опять летит.

— Ты не переживай доча, у меня рядом папа. Который оберегает меня и всё для меня делает. Это мечта каждой женщины.

И друзей у нас много. Улица как родня. Все друг за друга переживаем. Виталька — сосед наш, появится, с окраин вернётся. Говорит: «Я заговорённый». И мы смеемся.

Здесь очень хорошие люди. Все друг за друга переживают. Не дадим друг другу пропасть. Сто килограмм картошки Василь Иванович привёз. Баклажанов одиннадцать килограмм. Пшеницы для курочек и голубей. И на рыбалку они ездят с папой.

И папа столько лет меня ждал. Ну что я. Шесть лет — приеду, уеду. Нет, я теперь с ним останусь, с папой и Роем. Мне хорошо. Ставни закрыла. И наша маленькая улица самим Богом охраняется. Мы все молимся.

Она говорит, а я вытираю наворачивающиеся слёзы.

— Мы тебя с папой очень сильно любим. Ты даже не представляешь до какой степени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.